

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Сандрё-Васё (Молодцов, В. А.)—Некоторые принципы зырянского правописания.

Устьысольск, Коми Госиздат, 1926 (1927) стр. VI+87+
оглавление.

Рецензируемая книга В. А. Молодцова, упрочившего за собой звание специалиста—лингвиста, является по существу продолжением и развитием тех положений, которые В. А. Молодцовым были уже частично установлены в „Коми грамматике“ и в статьях помещенных в журнале „Коми-му“.

Педагогический интерес к практическому преподаванию зырянского языка является одной из важных черт В. А. Молодцова, так много приложившего и прилагающего еще и теперь свои усилия в области также еще молодой и неоформившейся литературной стилистики и обработки речи зырянского литературного творческого процесса в целом.

К установлению последнего, к установлению единства письма, единства в правописании и сводится содержание данной книги В. А. Молодцова.

Книга делится на 4 отдела: 1—о письме слов теми или иными буквами (фонетика, чередование звуков Г. С.) 2—о раздельном письме слов, о слитном письме с дефисом или с системой дефисов (письмо—передача отдельных слов и предложений Г. С.); пунктуация (знаки препинания Г. С.) и 4—тексты.

На 1 и 2 странице дается классификация слов по различным признакам и соответственно последним выявляется возможность те или иные слова сгруппировать или выделять из той или иной группы, оставляя эти слова в богатом колодце зырянского языка. Тем не менее и они могут быть введены в русло общих соответствующих правил. Таких основных норм—правил установлено в книге двадцать четыре. В это же число входят слова, возникшие или воспринятые на почве иных языковых воздействий.

Бросается в глаза авторская продуманность в затрагиваемых вопросах и заметная осторожность при том или ином постулировании положения, где не всегда безошибочно могут дать анализ даже лица, имеющие гораздо больший научно-исследовательский опыт и смекалку.

Но в то же время книга В. А. Молодцова при всем его осторожном подходе к поставленным им вопросам, и имеет ряд спорных, недостаточно очерченных, иногда и прямо несостоятельных положений и заключений. На эти спорные вопросы мне и хотелось-бы обратить внимание читателей и автора книги.

Прежде всего нужно указать, что автор чересчур много оперирует специальными лингвистическими терминами, расшифровать которые едва-ли удастся местным школьным работникам. Книга же имеет целью обслужить в первую очередь учительство. Такие термины, как: морфема, морфология, вторичный звуковой состав, слова с идеей звуков (стр. 1.), чередование звуков, ассимиляция, редуцированный звук (В. А. Молодцов слово „редуцированный“ переводит, как испорченный звук, что едва-ли правильно. Скорее это,—неполный, неясный, неустановившийся, но отнюдь не „испорченный“ Г. С.), палатальный, палатализация, осреднеязычный

(22 стр.), непалатальный, послелого, дефисы, индексы и т. д. требуют объяснения. Для этой цели автор имел две возможности: 1) более подробные подстрочные пояснения или 2) помещение словарика в конце книги. (Сравни: Грамматический Словарь проф. Н. Н. Дурново, Москва 1924).

Автор затрагивает вопрос о послелогах и находится в этом вопросе под эгидой Видемана, прямое или косвенное влияние которого сказалось на работе В. А. при весьма неточном обобщении. Насколько я могу судить, Видеман с категорией послелогов был весьма односторонен и самый вопрос о послелогах не был в достаточной степени разработан даже в пределах классического (индо-европейского) языкознания. Кроме того, с лишним 40 лет назад (грамматика Видемана была напечатана 1884 г.) вообще было много неясного в языкознании. Это тем более верно по отношению к Урало-алтайской группе языков и в частности—угро-финской. Теперь уже сравнительно точно известно, что послелого урало-алтайской группы обладают тремя различными, различно значимыми элементами. Весь вопрос—который из этих элементов может занимать или занимает в том или ином языке доминирующее положение?

(Ср. работы Турколога проф. А. Н. Самойловича).

Далее. В первом отделе книги—Звуки и их передача—мы наталкиваемся на одну из важнейших сторон, а именно—красной нитью автором очерчивается круг диалекта, принятого за основу литературного языка и „нелитературных диалектов“. То, что первоначально было модой, теперь становится правилом. Установлено, высчитано и сказано, научно сказано—„литературный диалект“ и „не литературные диалекты“. Раз это „научно сказано“, установлено, то отсюда уже естественно легко и „необходимо“ согласовать этот литературный диалект (один! Г. С.) с нелитературными диалектами (многими! Г. С.).

Автор книги согласует их таким образом:

1. „из двух существующих в речи одних и тех же носителей литературного диалекта параллельных форм... должно быть обе формы признаны литературными“ (стр. 5-6).

Но 2, „озыряннившиеся“ не зырянские слова следует писать согласно их произношению в литературном диалекте (сакар, кампет).

Но 3. термины нового интернационального происхождения писать с их оригинальными звуками и т. д. Фонемы, фонетические образования, сопровождающие произношение морфологических фонем писать не следует (стр. 7.). Автор здесь упускает из виду целый закон (вернее не хочет просто-напросто считаться), сложившийся не только фонетически но и морфологически. Звук „j“ является у литературных диалектов не только временным носителем морфологического признака но постоянным (пример: кыѳом, кыѳод, кыѳны, кыѳан, народ. выражение—„кыѳны-выны“).

Но 4. „фонему литературного диалекта находящуюся в положении, в котором возникают фонетические фонемы“, воспроизводить в письме.

К этим не согласованным между собою положениям (озыряннившееся—„кампет“ и советско-зырянские „галифе“ и пр.) мы отнесем понятие „фонетические фонемы“. Надеемся, автор это понятие расшифрует перед учителями и „лингвистическим миром“ (термин В. А. М. из статьи помещенной, в „Коми-му“ в полемике с А. Греном).

Так обстоит дело до 9 страницы книги. Все или почти все здесь может быть поставлено на научно-принципиальную основу и в этом свете, пусть не обидится автор,—должно быть признано весьма далеким от научного понимания делом, которое, будучи проведено в жизнь, вышелушит и

обезличит другие диалекты и лишит возможности не только научно изучить зырянский язык но и создать литературный язык. Мы еще вкратце здесь перечислим то, с чем как т. Молодцов в интересах литературного диалекта подходит к зырянскому языку в целом и к „нелитературным диалектам“ в частности. О упраздняется в пользу е (шырылѣј, шырылѣј,

ы „ „ „ і (бѣжылѣј, бѣжылѣј), 10 стр.

асік—асык, кусің—кусын

у, ы и н „ „ „ ъ, і и ѣ (ѡшун—ѡшын).

т „ „ „ к воркні-вортні. (13 стр.)

Автор „Принципов“ легко нашел укромное место и для фонемы „з“, заменив ее палатализованной „н“,—„томінік“ вместо томинзік и т. д. (стр. 13).

Вместо узынад—узынд. С этим словам т. Молодцов, по-моему совершил несколько весьма существенных вольностей: 1) в слове „узынд“ звук „ы“ является долгим. 2) Исторически эта фонема (ы) представляла дифтонг „второй компонент из целого послелого—уз-н-ыа-д“, 3) на основании существующего алфавита, в котором не нашлось места для долгих звуков (гласных) вообще и в интересах торжества „литературного диалекта“ специально,—все случаи, с точки зрения человека задавшегося такой целью, в полне резонно могут быть истреблены, уничтожены.

Что, например стоит вымести какие-то там звуки „з“, „а“, „ы“—долгое и пр. Меня могут обвинить в тенденциозности. В таком случае я отсылаю читателей на страницу 11-ю, где всякий может прочесть: „слова со спорным звуком... претят фонетическому представлению носителя литературного диалекта“ (моя разрядка, Г. С.). Я не хотел-бы долго задерживать читателя на том, что какому-то (вероятно, не мифическому, а вполне реальному) носителю претят слова со спорными звуками, если-бы я не предусмотрел в этом удаленность автора книги от основ научной лингвистики, которой едва-ли что когда-либо претило. Науке ничего не претит, наука не знает „претящих“, „претных“, „запретных“ звуков, а также не хочет знать отдельных лиц, которым что-либо претит. Таких претящих звуков очевидно нет и в зырянском языке.

Так же много можно было-бы сказать и по вопросам, затрагиваемым т. Молодцовым в последующих частях книги. Там также много рискованных утверждений автора, тем более, что первая и вторая главы предопределяют последующие. Продолжать-ли?..

Нет сомнения, что методические и методологические вопросы зырянского языка крайне важны и актуальны. Их нужно, нужно обсуждать. Но, когда самые проблематичные положения сыплются на головы массы без соответствующего фильтра, уже в виде аксиом и правил, это—опасный путь. Нужно здесь совместное коллективное творчество методистов и педагогов.

Т. Ст.—в.

